

Глеб
Горышин

СЛОВО ЛЕШЕМУ

ЗАПИСИ ОЧЕВИДЦА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г 70

Оформление обложки Валерия Гореликова

Горышин Г.

Г 70 Слово Лешему : Записи очевидца : роман / Глеб Горышин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 448 с.

ISBN 978-5-389-34660-4

Глеб Александрович Горышин (1931–1998) — ленинградский прозаик и публицист. Он начал печататься с конца 1950-х годов, был профессиональным журналистом, в течение нескольких лет возглавлял ленинградский журнал «Аврора». Материал для своих рассказов и повестей, как правило, черпал из путешествий; герой его прозы — городской житель, делящийся впечатлениями о поездках по стране. «Слово Лешему» — последняя книга Глеба Горышина (ее выхода в свет, в 1999 году, он не дождался). В 1990-е годы он каждое лето проводил в вепсской деревне Нюрговичи (Тихвинский район Ленинградской области), ведя записи и сознавая себя хроникером происходящего в переломное для России время. Автор повествует о своем «романе с местностью», о любви к ее коренным жителям, к ее природе. В лирическом пространстве вепсских записей рождались и стихотворные тексты, превращая книгу в «поэму в прозе».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34660-4

© Г. А. Горышин (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГОРА И БЕРЕГ

*Вепская возвышенность. От Капши до Эльбы и обратно.
Глубокие воды Корбьярви. Охотник Цветков. Десантник
Мошников. Украли озеро. Чистые боры. Грустно в избе.
Польза обрыбления.*

Местность — на верхотуре Вепской возвышенности — на берегу Капшозера, протянувшегося в расселине меж моренных гряд на пятнадцать километров с запада на восток. К озеру примыкают — и простираются в Заонежье, Вологодчину, Карелию, Беломорье таежные урманы, боры, гряды холмов, озера, болота, текут многоводные, в глубоких каньонах, реки, со строеными бобрами плотинами; повсюду высятся муравейники — небоскребы в муравьином масштабе, многие порушены медведями.

Переплывешь Капшозеро на лодке, вздынешься в гору — тут тебе село Нюговичи. Село вепское, строено вепсами в двух уровнях: у самого Капшозера — это Берег, по-вепски Рента, и на склоне холма, ближе к вершине, — Гора, по-вепски Сельга. Нюрг — по-вепски крутосклон; Нюговичи — вепское слово, озвученное на русский лад, вроде как отчество, по батюшке: Нюговичи — дети Нюрга, Корбеничи — дети Корба, то есть леса. Есть еще Харагеничи, Гонгеничи, Даргиничи, Шангиничи. Вепсы изрядно-таки обрусели, пройдя одну с русским северным крестьянством историю, ломя та-

кую же жизнь, но в своем кругу говорят по-вепски, на финно-угорский манер.

Улиц, порядков изб в Нюрговичах нет, сроду не заводилось; всяк выбирал себе место, какое кому любо, и ставил избу. Когда увидишь деревню, выйдя из еловой глухомани (корби) на крутосклон, то похожа она на груды серых валунов, обсевших зеленую гору по чьему-то соизволению.

Бывало, приволокешься (за спиною тяжелый мешок) из деревни Харагеничи лесной тропой к Большому озеру, надымишь костром, накричишься, тебя кто-нибудь перевезет, ну, скажем, механик Вихров. Пригласит к себе в дом попить чаю. Он работал в Корбеничах, в семи километрах от Нюрговичей, в совхозе. В Нюрговичах тоже было отделение совхоза, его закрыли, работать механику стало негде. На работу Вихров ездил верхом на коне — лесной, глинистой, вязкой дорогой над Капшозером. Жил в Нюрговичах, на Берегу.

На Горе первым делом я свел знакомство с четой стариков Торяковых. Дед Федор Иванович Торяков рождения 1901 года. Нюрговичского старейшину вепсы звали не Федором Ивановичем, а Федром Ивановичем, почти как героя диалога Платона «Федр». И сам он себя величал: Федр Иванович.

У Федора Ивановича было доброе, круглое лицо, выпуклый лоб с напущенными на него, не потерявшими своего летнего цвета кудерьками, не погасшие от старости ясные глаза. У него поместительный круглый затылок, сильные плечи, руки, грузноватая фигура, тихий, раздумчивый, рассуждающий голос. В избе он обыкновенно сидел в ситцевой, времен первых лет коллективизации, рубашке, сложив на столе не привычные к бездействию толстопалые крестьянские руки. Рано утречком Федор Иванович спускался к озеру, садился в лодку, плыл по Корбьярви (так называлось по-вепс-

ски Капшозеро) смотреть сетку, греб, перекидывая весло с борта на борт. В хозяйстве у Торяковых десяток овец-баранов; с них и мясо, и шерсть; осенью больше половины стада сдается в совхоз. Огород, полоса картошки. Курицы с петухом. Две собачонки, три кота.

Старухе Федора Ивановича Татьяне Максимовне тоже за восемьдесят, она жаловалась на астму, другие «болезни», жаловалась с виноватой улыбкой, будто поминала о грешках молодости. Дитя у деда Федора и бабы Тани было всего одно. На мой вопрос о детях Федор Иванович ответил так: «Парнишка был родивши, четырех месяцев и померши дак... Больше не бывало». Из родни у Торяковых дедов брат в Шугозере, тоже старый. Считай, что одни на всем белом свете. Уезжать им из Нюрговичей тогда, почитай, было некуда, надо жить тут.

— Зимою как снегу навалит, — рассказывала баба Таня, по обыкновению улыбаясь, — следочка нетути, по воду к колодцу на лыжах и хомыляешь. Нагнесси с ведром-ти, а разогнуться дыху не хватает. Ой, думаю, снегом засыпет, дедка и не найдет.

Как-то раз баба Таня встретила меня, сообщила, что дед отправился в Тихвин выправлять справку в собесе, да и загостился, дружков у него в Тихвине полно: бывало, кто приезжал в Нюрговичи — по колхозным ли делам, по лесозаготовкам, по сплаву, — все останавливались у Торяковых, жилали месяцами.

Дорога из Нюрговичей в Тихвин не такое простое дело, особенно в дедовы годы: через озеро на лодке, тропой шесть километров до Харагеничей — тропа худая: ветровалом положило силу леса; по тропе где пешком, а где и ползком через завалы; спасибо, нынче почистили тропу механик Вихров с полковником в отставке (купил избу на Берегу): хода прорубили, мочаги загатили, лесники не удосужились.

Посередке тропы Харагинское болото: весной воды натаивает выше колен, осенью наливает дождями.

В Харагеничах надо подняться на гору. Гора Харагинская ой высока!

А там на автобусе до Шугозера; из Шугозера рейсовым хоть в Тихвин, хоть в Лодейное Поле, хоть в Ленинград.

По весне первым делом спросишь у нюрговичской бабы Тани о главном:

— Как перезимовали?

Баба Таня скажет:

— Ну что же, перезимовали... Печку топили, лежанку, печурку... Он дровы приносил, воду, все... А у меня такая одышка... Думала, загнуся... — Баба Таня застенчиво улыбнется. — А теперь лето дак... и ниче...

Весною так тихо бывает в заозерном мире, что в ушах звенит, какой-то постоянный звуковой фон. После города, дня в машине доберешься до Нюрговичей — и зудит, пока не привыкнешь.

Крики чаек бьют по нервам. Чайки — для дисгармонии, диссонанса.

В озере розоватая вода. И розоватое небо.

На 9 Мая Федор Иванович надевает пиджак с медалями и памятными ветеранскими значками. Он приносит на стол ветхий кошелек с казенными бумагами: грамотами, справками о ранениях, красноармейской книжкой, военным билетом. Тут весь его персональный архив, человеческая жизнь, удостоверенная печатью. В документах Федора Ивановича Торякова прочитывается не только биография ветерана, но и время с его особенным языком — почти целый век.

Татьяна Максимовна опускает в железный кофейник (кофию здесь не пивали) здоровенный кипятыльник, вскоре начинается бульканье. Чаек заваривается сиротский, чуть желтеет в стакане. К столу подаются калитки, щука из ухи. Хозяин тоже побулькивает, в том

смысле, что крепкого чаю в жизни своей не пивал, курить не научился, в бане не паривался, веника в руки не брал. Винцо себе позволял, это было.

На мой вопрос о долготе супружества старики посчитали, вышло под шестьдесят лет с тех пор, как сыграли свадьбу.

Татьяна Максимовна уточнила:

— Я из Долгозера пришоццы, а у его была до меня...

Федор Иванович малость насупился.

— Дак что была... Женились, в первую ночь спать легли, я ей свое, а она поперек. Я ей говорю, не для того сюда шла, не место тут споры спорить. Несогласная, дак иди. Утром и ушоццы...

— Прям уж, утром... — оспорила мужа Татьяна Максимовна.

Муж осердился:

— А ты не курлычь. Всю жизнь так...

Под бульканье стариков я читаю бумаги Федора Ивановича Торякова. В военном билете в графе специальность записано: «Не имеет. Крестьянин-колхозник. Окончил два класса нюрговичской начальной школы Капшинского района в 1912 году. Впервые призван в армию в 1920-м, служил по 22-й. Рост 168. Округлость головы 56. Размер противогаза 3. Размер обуви 42.

Во второй раз призван 23 июня 1941 года, зачислен в 751-й стрелковый полк. Уволен в сентябре 1945-го. 2 ранения легких. Медали „За отвагу“, „За боевые заслуги“, „За победу над Германией в Великой Отечественной войне“».

Орден Отечественной войны I степени Федору Ивановичу вручили в ознаменование сорокалетия Победы. Орден в коробочке. Пробуровили дырку в лацкане пиджака, прикрутили на надлежащее ордену место.

— Первой степени дали, раненый дак, знаешь... Тут говорили, на инвалидность подай, а ранения-те легкие... — Федор Иванович повинился за свои легкие ра-

нения, как будто его вина в том, что не тяжелые. Пенсия у него была колхозная — в совхозе не успел поработать — 56 рублей.

Он сидел за столом смущенный, порозовевший и еще по-зимнему обросший, кудлатый, лысина не постигла его; всю зиму не стригся, в сивой опушке бороды. Мой товарищ предложил:

— Давайте я вас постригу, Федор Иванович. Я в армии все отделение стриг. Ножницы найдутся?

Татьяна Максимовна принесла ножницы, массивные, по виду выделки старого времени.

— Из Германии он привезши дак, — сообщила хозяйка. — Овец стрижем. Ни разу не точены. А все стригу-у-т.

— Попали дак... Думаю, дай возьму... Сталь хорошая, — одобрил немецкую вещь хозяин.

Его единственный привезенный с войны трофей сгодился и в этом случае. Федора Ивановича постригли овечьими ножницами «по-молодежному», подрубили бороду, он стал прелесть как хорош, ну, прямо Хемингуэй из сувенирного киоска.

Я продолжал чтение бумаг Федора Ивановича Торякова. Красноармейская книжка. Карельский фронт — 1941. Ленинградский, Волховский — 1943. 2-й Прибалтийский, 1-й Белорусский, 2-й Белорусский — 1944–1945. В красноармейскую книжку занесена каждая вещь, выданная солдату-стрелку за весь срок службы. Есть и отметки об их возвращении в хозяйство ротного старшины по истечении срока. Понятно, что вещи не все возвратились (слава богу, что возвратился в Нюрговичи стрелок!). Шапка зимняя. Пилотка. Шинель. Гимнастерка х/б. Шаровары х/б. Шаровары ватные. Рубаха нательная. Кальсоны. Полотенца. Портянки летние. Портянки зимние. Сапоги. Ботинки. Обмотки. Валенки. Ремень поясной, брючный, ружейный. Сумка

для ручных гранат. Ранец. Котелок. Фляга. Чехол к котелку.

Стопка грамот за победные бои.

«Товарищу Торякову. Дважды нам салютовала родная Москва! Верховный Главнокомандующий дважды объявил нам благодарность за отличные боевые действия. Поздравляю Вас с успешным выполнением приказа командования и выражаю уверенность, что Вы отдадите все силы борьбе за новые победы могучего советского оружия. Будем еще крепче бить проклятого немца! Желаю Вам новых боевых успехов! Вперед, друзья мои! Смерть немецким захватчикам!

20 января 1945 года.

Командир соединения гвардии полковник
Н. Каладзе».

«Красноармейцу Торякову Федору Ивановичу. Вам, участнику прорыва обороны немцев на плацдарме на западном берегу реки Нарев севернее Варшавы, приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 17 января 1945 г. за отличные боевые действия объявлена благодарность.

Командир части майор...».
Подпись неразборчива.

И еще грамоты за освобождение городов Гдыня, Росток, Штеттин, за форсирование Одера.

Листаю бумаги, заношу в книжечку важное (все важно!). Федор Иванович поглядывает на меня, по выражению его лица видно, что он хотел бы рассказать что-нибудь нужное мне, но не знает, что нужно. Рассказчик он не ахти. О войне поведал однажды такую историю: «Мне политрук говорит: „Записывайся, Федя, в партию“. Я ему говорю: „Я за милую душу, только неподкованный я, учиться неколи было, дак... Неловко

выйдет“. Он говорит: „Ну ладно, коли так“. И больше не звал».

Самую главную, итоговую и напутственную грамоту в домашнем архиве Федора Ивановича Торякова я приведу целиком. Такую грамоту получил каждый, уходя с Победой домой.

«Боевому товарищу Торякову Ф. И. По решению XII сессии Верховного Совета Союза ССР Вы демобилизуетесь из действующей армии и возвращаетесь на Родину. Вы прошли большой и тяжелый путь по дорогам войны. Немало суровых испытаний выпало на Вашу долю. Но трудности и лишения, которые пришлось пережить в сражениях и походах, не прошли даром. Под руководством великого Сталина одержана небывалая в истории победа над самым сильным и коварным врагом — гитлеровской Германией. Красная армия не только отстояла честь и независимость нашей Родины, но и вернула свободу поработленным народам Европы. На нашу долю выпала великая честь добить врага в центре его звериного логова и водрузить над Берлином Знамя Победы.

В это великое дело внесли свой посильный вклад и Вы, дорогой товарищ! Это о Вас говорил Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы как о „людях простых, обычных, скромных“, „звания у которых нет и чинов мало“, но людях, являющихся такими „винтиками“, которые „держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела“, людях, которые „держат нас, как основание держит вершину“.

За честную службу на благо нашей Родины объявляю Вам благодарность. Теперь Вам предстоит сменить оружие войны на орудия труда. Желаю Вам успехов на новой работе. Будьте и впредь в первых рядах на-

шего героического народа. Под руководством нашей славной большевистской партии, под водительством Великого Вождя товарища Сталина отдавайте мирному труду все Ваши знания и силы, как отдавали их делу Победы.

Счастливого Вам пути, дорогой товарищ!

Главнокомандующий советскими
оккупационными войсками в Германии
Маршал Советского Союза Жуков.

Член Военного Совета генерал-лейтенант Телегин.
30 августа 1945 г.».

Так провожали с Победой в те не столь отдаленные, но уже исторические времена, напоминали каждому, что он «винтик», обязан ввинтиться в «основание», дабы не похилилась «вершина».

После войны Торяков председательствовал в колхозе в Нюрговичах. Колхоз был маленький — таких колхозов в ту пору насчитывалось в Ленинградской области более десяти тысяч. Тогдашний начальник областного земельного управления Михаил Алексеевич Таиров рассказывал мне, что как-то решили собрать председателей всех до одного на общий актив — и не смогли найти в Ленинграде такого поместительного зала, на 10 000 посадочных мест.

Дела в колхозе у Торякова шли хорошо, это точно известно; успехи основывались на трудолюбии вепсов, на их умении примениться к почве, лесу, погоде. Вепсы — пахари-лесорубы: лес вырубят, делянку раскорчуют, тогда уж пахут и сеют. На этом построил свои экономические расчеты и молодой тогда председатель колхоза Торяков: всем миром занялись лесоповалом, лес сдали шугозерскому леспромхозу и оказались при деньгах на банковском счету. Такая редкость в те года — платежеспособный колхоз. Стали строить дворы, обзаводиться хозяйством... Федор Иванович рассказывал

мне о своем коротком председательстве с каким-то неутоленным недоумением: только начали жить в своей родной деревне, и тут укрупнение... Председателей в укрупненные колхозы подобрали пограмотнее. Потом совхозы... Горькое недоумение Федора Ивановича Торякова проистекало из того не поддающегося здравому крестьянскому разумению факта, что в итоге многолетних кампаний-преобразований на его родной земле в Нюрговичах не стало ни пашни, ни скотины, ни покоса, ни работающего в поле крестьянина...

Сам он еще долго бригадирствовал в своем селе, о чем есть свидетельства. Например, такое: «Свидетельство участника Капшинской рай. с/х выставки. Бригадиру колхоза „Большевик“ Торякову Ф. И. Получен урожай озимой ржи с 10,5 га по 8 ц. И за хорошее руководство».

— Федор Иванович, ну а как было, когда создавали колхоз?

— Да знаешь, как было... В тридцатом годе или когда... Кто победнее, животину согнали в один двор... Сохи тоже, у кого какая хвороба... Шесть было бедных семей дак... Ну, знаешь, подержали с неделю и разобрали, увели по дворам... Я был тогда членом правления колхоза. Мне говорят: тебя вызывают в Шугозеро в милицию. Ну, я пошел, захожу в милицию-ту. А там начальником Ванька Гайрузов нойдальский. Он револьвер из стола вынул, на меня наставил... «Ты, — говорит, — развалил колхоз». — В этом месте рассказа Федор Иванович рассмеялся, даже слезу утер. И Татьяна Максимовна с ним посмеялась. И я за компанию. Хотя что же тут смешного: револьвер у Ваньки, надо думать, был заряжен, и власти было много ему дано. — Я говорю: «Я не разваливал, сам развалился». Он мне: «Ну ладно. Иди». Я пошел. После уже уполномоченные приезжали, в колхоз записывали...

Леса, правда, голы, но уже окутались, опушились первой зеленью — черемуховые, ольховые, березовые леса. Осиновые окутаются чуть позже.

Весна почек, весна первых листьев, весна цветов.

Вчера я шел по весеннему лесу, мысли были простые: ходить по лесу — и только, хватит мне этого. Записывать жизнь деревьев, кустов, мхов, кочек, трав, ив, рек, ручьев, холмов. Они все — живые, мыслящие, страждущие, ликующие существа.

И я вдруг нашел себе объяснение: я являюсь описателем местностей, из которых состоит Россия. Что успею, то опишу, всякий раз наново влюбляясь, прикипая сердцем к обретенному предмету. Каждая местность России пригожа, краса ее не хвастлива, не выставляет себя напоказ, сокрыта в душе. Душа познается в трудах, хотя бы в трудах хождения...

Перед глазами у меня Вепсская возвышенность — и надо писать о бобрах. Бобры населяют здешние озера, реки, то есть берег всякой воды. Бобры, как говорят вепсы, «пилят дрова»...

Люди тоже «пилят дрова», но леса здешние уже выпилены в свое время (новые подрастают), реки и озера измучены лесосплавом; заплоты-запони-запруды-бонны — все сгнило, трухою стало. На берегах Капшозера ржавеют сплавные железные катера, как танки, оставшиеся с войны на болоте.

В лесах хозяйствуют бобры, ведут свои лесозаготовки, пилят зубами осины, березы, иногда сосенки. Прежде всего осины. Выбирают самые матерые, с толстыми комлями дерева — и пилят, заготавливают впрок продукты питания, свой насущный осиновый хлеб.

Как пилят? Какие у них бригады — у бобров, — укрупненные или не очень? Какова бобровая рабочая смена, в какое время у них пересменка? Кто видел, кто

знает? Михаил Яковлевич Цветков, старичок-лесовичок из Нюрговичей, знает, видел. Он все знает в лесу, все видел и бобров капканами лавливал, ну, конечно, по лицензии, без нанесения урона общей численности бобров. О Михаиле Яковлевиче я еще расскажу...

Пока о бобрах. Бобры выпиливают осину с таким расчетом, чтобы она упала поперек реки. Выгрызают в осиновом теле полость конической формы, сходящую на нет. Последние волокна древесины — чтобы дереву рухнуть — просекает, должно быть, самый вострозубый бобр, работа тонкая, чистая, без опилок (поедают их бобры, что ли?).

Осина падает — вот вам и мост через реку. Если бы не бобры, то реку Сарку не перейти бы в водополье (ближе к устью есть один ветхий мосток). Сарка берет начало в Сарозере. Выйдешь к нему из темного леса и обрадуешься: это же надо столько воды и нигде ни души! Берега у Сарозера низкие, заросшие ельниками. Озеро мелководное, со светлой водой, выражение у него ясное, открытое, как у голубоглазого озерного жителя. Сарка течет в глубоком распадке-каньоне. Русло ее непроходимо, захламлено лесосплавом. Сарка впадает в Геную, неподалеку от устья; Геную впадает в Капшозеро.

Вепсы звали свою речку Эноя — что-то значащее по-вепски слово; русские переименовали на более понятное: Геную. Есть в этих местах и речка Темза, тоже общепонятно.

Бобры понастроили множество мостов через Сарку (и через Геную). Я хаживал по бобровым мостам: возмешь палку-подпорку и за милую душу. У кого непотраченный вестибулярный аппарат, тот и так перейдет, без палки.

Когда бобры валят лес, едва ли они думают о мостостроении. Им нужны пища, запруженная вода-заводь речная, чтобы плавать, нырять; тут бобры строят и хат-

ки, так же как в свое время поставили первые избы деревни Нюрговичи вепсы — на берегу у воды. (Потом вепсы полезли в гору: на берегу не осталось места). Бобры положат первую осину поперек реки, наискосок другую и еще, и еще; они великие мастера запруды строить. О том, как это скажется на жизни реки, бобры не пекутся, преследуют только свой насущный, как теперь говорят, сиюминутный, интерес.

Отрадно увидеть в лесу плоды усердных, разумных трудов наших острозубых меньших братьев в бобровых боярских шубах! Поражаешься громадьей их планов, бесстрашию, дерзости этих трудолюбивых упорных зверей. Благо удить окуней в бобровых заводях, переходить по крепко лежащим лесинам с одного берега Сарки на другой!..

И больно видеть недостроенные, брошенные бобровые запруды, находить задушенного капканом зверя (поймать его крайне просто: капкан ставят у входа в хатку)! Избави Бог повстречаться в лесу с истребителями бобров — есть они, шляются и по Вепсской возвышенности; на лице у всякого можно прочесть, зачем в лес явился...

И мало, мало стало бобров. Сколько хожу по лесам, редко вижу свежий погрыз на осине, радуюсь ему, как лосю, зайцу, барсуку, глухарю, лососю, идущему по Сарке на нерест.

Медведи тоже водятся в вепсских лесах, но с ними пока не встречался, Бог миловал. А охота повидаться.

В крайней избе Нюрговичей на Горе ближе всех к лесу живут Цветковы: Михаил Яковлевич и Анна Ивановна. Хозяину семьдесят восемь лет, хозяйке поменьше. Она крупна, статна, как многие вепсские женщины (и Татьяна Максимовна Торякова была в лучшие годы крупной, статной); у нее открытое, белое, румяное лицо,

озерно-синие глаза, соломенного цвета волосы: можно представить себе, какие косы были у Анны в девичестве, какая она была красавица в молодости, да и сейчас хоть куда. У Анны Ивановны веселый, бодрый нрав, какая-то во всем открытость: и к столу пригласит, накормит, напоит, и: «У нас ночуйте, чего вы там в своей избы маетесь», и пошутит, и расскажет что-нибудь такое из своей жизни: как, бывало, пеши бегали на районные активы в Шугозеро. Анна всегда была активисткой в колхозе: и бригадиршей, и бухгалтером, Федор Иванович Торяков — председатель, Анна Ивановна Цветкова — бухгалтер... Или о том, как в лесу работали, на лесозаготовках и на сплаве: по Сарке, по Генуе лес сплавляли в Капшозеро, там его сплавивали в кошели, тянули катерами к истоку Капши; по Капше в Пашу...

— Бывало, директор Пашской сплавной конторы Павел Александрович Нечесанов придет к нам... — рассказывала Анна Ивановна. — Сам такой видный, веселый мужчина... «Ну что, девки, — скажет, — не осушите мне хвост, всем по жениху привезу. В заглазнике у меня для вас женихи припасены первого сорта: все в шляпах, у каждого по золотому зубу, сапоги гуталином начищенные, блестят, аж глазам больно... В сваты меня позовете, всех просватаю...»

— От скажет, — хмыкает Михаил Яковлевич. — Павлу Александровичу без вас дела хватало...

— Пря-ям, без нас... — зальется Анна Ивановна. — Мы с хвостами до Ереминой Горы по берегам танцевали, с баграми наперевес, как эти... в клубе кинопутешествий показывали, перуанцы. Мокрехоньки, как лягушки, у костра обсушимся и опять по уши в воду. Пря-ям, без нас...

Однажды в давние годы, лет двадцать пять тому назад, я поехал на машине с директором Пашской сплавной конторы Павлом Александровичем Нечесановым,

которого знали всюду, где растет лес и течет вода, до Пашозера — это было великое плавание по хлябям, на целую неделю. Нечесанов звонил из Пашозера в Усть-Капшу, капшозерскому сплавному мастеру Надумову, распекал его за многие грехи, а тому как с гуся вода: до него никакое начальство в распутицу не добиралось.

И нынче то же... Весной дорога от Харагеничей до Капшозера, до паромной переправы через него, непроезжая для машин, только трактора ее месят. С той стороны, из Хмелезера, тянули дорогу в Корбеничи, трубы завезли, гравию — сам видел — и бросили. Нюрговичи остались отрезанными от мира и опустели; не выкашивают богатые здешние травы, не пасут скот в лугах, не пашут ниву, отвоеванную у леса поколениями земледельцев, — вепсы пахали по гарям, выжигали лес-корби, корчевали пни, ковыряли сохой целину... Бросили нажитое веками... Почему-то ненужным оказался всего-то лет десять назад построенный, с кирпичными простенками, подведенный под шифер, до сих пор новехонький скотный двор в Нюрговичах...

Почему это так? «Почему мы должны уезжать из родного угла? Ведь мы еще можем, хотим работать: и корову, и овец держим, и сена накосим, и, бывало, бычков здесь пасли... Почему?» Мне задавали этот вопрос в доме Цветковых, в других стариковских домах. Я не знал, что ответить. И директор Пашозерского совхоза не даст ответа, который бы удовлетворил нюрговичских крестьян. Такого ответа нет и у руководителей Тихвинского района, и выше. Его нет вообще. Нет дороги, и жизнь замирает...

Я видел, как дед Цветков косит сено: с рассвета начнет и вжикает весь божий день, легко, без усилия, ходко машет, как травяной кузнечик. Глядишь, стожки выросли там и тут, радуют глаз, нет неприятнее, горше вида, чем некошенная трава у села. Пока Цветковы держали

корову Риму, молоком кормили-поили всех зимого-ров на Горе; каждое утро прибегал за молоком полковник в отставке — с Берега. И мне хватало Риминого молока.

Собрались Цветковы переезжать в Пашозеро, продали Риму Ивану Егоровичу Текляшеву, рыбаку, тоже на Горе жительствовавшему с женою «маленькой Машей» — правда маленькой, но чрезвычайно бойкой. Риму перевели в другой двор, а она с пастьбы все заворачивает в родное стойло. Анна Ивановна плачет, выгоняя Риму, Рима не может понять, зачем, куда ее гонят, жалобно мычит.

Старый Цветков нынче редко берется за косу; сбегает на озеро, наловит окушков, сидит покуривает. Нарушился какой-то главный порядок крестьянской жизни. Все чего-то ждут: так же не может быть, чтобы бросить живое село, с пашней, с покосами, с обжитыми, милыми сердцу домами...

Михаил Яковлевич Цветков — мастер на все руки, великий труженик, как все крестьяне-вепсы, но главная его страсть-улада — в лесу, в корбях. Он и сам, как лесная коряжина, маленький, суковатый, и взгляд у него... лесной. Цветков завалил десятерых медведей, в овсах и на берлогах, любит рассказывать о своих медвежьих охотах: «Я в берлогу-то сунул жердину, пошевелил. А тут как раз березка согнутая была, снегом ее изогнуло. Он из берлоги высунулся, вот так вот лапами оперся на березу и на меня смотрит... Я от него метрах в пяти стоял. Вскинул ружье — и в голову...»

У Цветковых в доме радио, телевизор, телефон. Михаил Яковлевич — лицо ответственное в Нюрговичах, вся связь с внешним миром через него. Он выписывает, читает газеты, всякое новое лицо попадает в поле зрения охотника-следопыта, оценивается, классифицируется им.

Цветковы подняли пятерых сыновей, двух дочерей. Анна Ивановна рассказывала, смеясь, как, бывало, не верили, что такая большая семья, девять ртов. «Придут с налогом: на корову натуральный налог, на всякую животину, на все... Я им говорю: мы девятiero от коровы кормимся, они не верят: „Как это можно?..“»

Старший сын Цветковых служит на таможне в Бресте. Михаил Яковлевич говорит о нем с гордостью: «Платят хорошо, а работа у него трудная. В письмах пишет, что очень устает. Там смотреть и смотреть надо. Ну, у него глаз наметанный, сразу видит, кто по делу едет, а кто, значит, с вражескими намерениями. Опыт большой дак...» Три сына в Тихвине: один на заводе токарем, другой шофером, замдиректора возит — этот иногда, в самую сушь, доезжает до Нюрговичей на «Волге», третий в милиции.

Младший сын Цветковых погиб на стройке: леса обрушились, он упал с высоты — и спиной о камень... Двое дочерей замужем в Тихвине.

Старший Цветков не нахвалится своими детьми, говорит о них с каким-то даже изумлением-умилением: «У всех все хорошо, никто не разводился, ни на кого ни разу „телеги“ не было, никого в вытрезвитель не забирали».

Всем детям Цветковых — и внуков полно — идут из Нюрговичей посылки (то есть из Корбеничей, из Харагеничей; в Нюрговичах почты нет): грибы белые сушеные, маринованные, волнушки соленые, рыба вяленая, масло свое, домашнее, топленое, варенье черничное, малиновое, морошковое, черная смородина живьем законсервированная, лучок-чесночок, сало свиное, носки, рукавички, вязанные из шерсти своих овецек. Да мало ли что еще. Жить бы и жить старым Цветковым в своем замечательном сельском доме в Нюрговичах: от добра добра не ищут. Но почему-то никак: стариковских

ГЛЕБ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОРЫШИН

СЛОВО ЛЕШЕМУ ЗАПИСИ ОЧЕВИДЦА

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Алиса Павлова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.09.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-LMR-44098-01-R